

Галина Череди́й

ОТТЕПЕЛЬ
НА ЗАКАТЕ

Галина Череди́й

Оттепель на закате

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69584827

Аннотация

Мир, каким его знаем мы, давно исчез. Города стали запретными и смертельно опасными развалинами, о жизни в которых помнят только старики, или можно прочесть в чудом сохранившихся книгах. Минули годы смуты, страшных болезней, жестоких войн за оставшиеся ресурсы. Десятилетия прошли с момента прилета загадочных черных Карателей, что установили для горстки выживших людей свои непонятные жесткие правила. Элли родилась и выросла уже в этом новом мире и не страдает от потери тех благ цивилизации, коими никогда не обладала. Ее потеря гораздо тяжелее и невозполнимее – два года минуло с того момента, как на ее руках умер любимый муж, тяжело раненный на охоте. Боль притупилась, но не ушла. Жить одной так тяжело, но женщина все еще не готова даже думать о том, чтобы дать себе шанс на новые отношения. Вот только судьба и окружающие не собираются и дальше терпеливо предоставлять ей время на раздумья.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Череди́й

Оттепель на закате

Глава 1

– Ребятки, простите, но вы же знаете, что вам внутрь нельзя, – чувствуя себя виноватой, я посмотрела в темно-карие глаза моих лаек и вздохнула. – Незачем искушать судьбу. Сюда приходят всякие типы, включая и тех ублюдков, что не брезгают мясом и мехом собак.

И это было чистой правдой. В торговый схрон старого Танхорда имели вход все без исключения, в том числе и типы, по моему мнению, недостойные права пребывать среди нормальных людей. Впрочем, понятия нормальности приобрели столько разных вариантов от прежде общепринятых, если верить книгам, так бережно сохраненным моим отцом, и его же многочисленным рассказам. Но сейчас это не было столь уж значимо, а вот одинаковые для всех правила владельца этой системы тоннелей – да. Под защитой только люди и их товары, но никак не любые живые твари, неважно, какие функции они исполняли, за исключением того, когда эти самые твари исполняли опять же роль товара. Поэтому моих собак, продавать которых я совсем не планировала, здесь могли украсть, застрелить и даже съесть на моих гла-

зах, и ничего поделаться я не смогла бы. Напасть на другого человека здесь – это значит не только навсегда лишиться доступа к Ярмаркам. Слух об открытой агрессии к себе подобному мгновенно разлетится отсюда, и тогда мое жилище станут стороной на всякий случай обходить и охотники, и путники, а без этого мне уж точно не выжить. Хотя, не этого мне стоит опасаться в первую очередь. Если новость дойдет до Карателей, то волноваться о выживании и пропитании мне больше не придется. Никогда.

Я оглянулась вокруг, убеждаясь, что никого не видно. Плохо все-таки, что снег выпал в этом году так рано. Теперь даже совершенно бездарному охотнику и следопыту не составит труда рассмотреть следы собак, и это не могло не внушать мне беспокойства. Ясное дело, что большинство посетителей Ярмарки здесь совсем не за тем, чтобы выслеживать и убивать случайно подвернувшихся домашних зверей, но мало ли...

– Мои помощнички золотые, самые лучшие собачки в мире, – ласково забормотала я, отстегивая шлейки четырех собак от здоровенных санок с моим товаром. – Погуляйте тут, поохотьтесь. Обещаю, я недолго!

Аэль и Рох тут же сорвались с места и, азартно повизгивая, огромными прыжками умчались в густой лес, окружающий вход в тоннель. Но вот Воли и Гилли так и топтались передо мной, склоняя свои массивные головы то на одну, то на другую сторону, и тихо скулили, заискивающе загляды-

вая в глаза. Их пушистые хвосты находились в непрерывном движении, и весь язык тела говорил о нервозности и нежелании расставаться.

– Ничего со мной тут не случится, – заверила их я, и Воли, тряхнув мохнатой башкой, оглушительно чихнул, выражая всю степень недоверия к моим словам. – Ну в самом деле, мы сюда с вами уже раз сто приходили, и все было в порядке.

Вожак моей упряжки отвернулся и плюхнул свой меховой зад на землю, нацепляя на хитрую морду маску вселенской скорби, тяжело демонстративно вздыхая. Всегда он так! Извечный позер и манипулятор! Да только меня этими его кобелиными штучками не проймешь.

– Пойдите и присмотрите за молодежью лучше, вместо того чтобы пасти меня, – обратилась я к всегда более практичной Гилли, игнорируя косые взгляды ее бой-френда или скорее уж супруга. – Держите их подальше от дороги и ведите себя по-тихому! Когда выйду, я сумею вас дозваться, не переживайте!

Гилли вяло огрызнулась, но, однако же, послушалась и устремилась в лес за своими подростками, а вслед за ней и Воли, помявшись и последний раз глянув на меня укоризненно, помчался в заснеженную чащу.

– Вот и замечательно, – пробормотала я, закинула себе на плечи собачьи лямки и потянула санки вперед.

Сейчас-то не так и тяжело, а вот на обратном пути, при удачном исходе торга, упряжка будет в разы увесистей.

Но это не тот факт, что был бы способен меня расстроить. Чем больше выменяю, тем удачнее переживем зиму. Не напрасно же я несколько месяцев головы не поднимала в отцовской мастерской. Правда, думать о том, что израсходовала весь остававшийся запас нужных компонентов, сейчас не хотела. Придет весна, и начну размышлять, как достать еще. Верить в то, что вулканические шахты захвачены канныбалами, как болтали прохожие охотники, я не хотела. Много лет они стояли пустыми, никому не нужными, и желающих ходить туда, кроме нас с отцом, не наблюдалось, так с чего вдруг этим мерзостям там селиться? Там же и в округе живности почти нет, так чем там питаться целой колонии этих тварей? Мало ли страшилок придумывают, только затем, чтобы чесать языки долгими зимними вечерами, сидя у огня.

Пыхтя, потев и кривясь от противного скрежета, что производили полозья по деревянному настилу, которым местный хозяин покрыл никому больше не нужные рельсы и шпалы, я наконец втащила груженные санки в первый зал схрона, и тут же была замечена. Отец рассказывал, что прежде по этим самым жутко ржавым рельсам ездили громадные железные машины – поезда, способные тащить за собой десятки тележек, называемых вагонами. И в каждый из этих вагонов входило столько, скажем, зерна, что большому скиту в десяток семей можно три зимы вволю хлеба есть, да кашу варить, да еще и на меню что-то останется.

– Элли, детка, давно же тебя не было, я уже и переживать стал! – Старикан Танхорд не поленился вылезти из-за своей стойки и поприветствовать меня медвежьими объятиями, от которых я удовлетворенно охнула.

Не то чтобы я сильно тянулась к компании себе подобных, но этот кряжистый и острый на язык старик был одним из многих, по кому и правда скучала. Может, он и всех подряд готов приветствовать как давних друзей, потому как радушие и ощущение безопасности для каждого здесь – это и есть его хлеб, но мне нравилось думать, что ко мне он и в самом деле относится хорошо от чистого сердца, а не по необходимости.

– Думал, может, уже завалила в свою постель одного из звездных опричников и больше не нуждаешься в том, чтобы переживать о пропитании и выживании. – Вот же язык без костей у этого старикана!

– Да кому я из них сдалась, – в тон ему ответила я, вдыхая запах пряного дыма, чуть прогорклого жира и пряностей от волчьей шкуры, в которую он вечно был укутан несмотря на время года. – Они наверняка ищут себе девчонок помоложе и не с таким скверным характером, как у меня!

На самом деле это всего лишь глупый треп, основанный на idiotских слухах, что якобы кто-то где-то слышал прямо-таки своими ушами, как некто, заслуживающий доверия, говорил, что лично знает девушек, которых Каратели одаривали своим вниманием определенного свойства. Одаривали.

Слово идиотское. А по мне так и само это допущение тоже идиотское. Я вот не знаю ни единого человека, что мог бы похвастаться тем, что видел одного из них хотя бы без шлема. Или они «одаривали» тех мифических девушек, не снимая даже его?

– Помоложе, говоришь? Элли-Элли, ты всегда была немного глуповатой и отказывалась понимать, как же действуешь на мужчин вокруг! – меж тем похлопал Танхорд меня по плечу, отстраняясь. – Эх, вернуть бы мне сейчас лет так тридцать, я бы тебе показал, что такое мужик, точно знающий, какая женщина перед ним, и что с ней нужно делать.

– И тут же лишился бы своих седых мохнатых шаров, умник, – прокомментировала, как всегда, Андре, женщина Танхорда, невозмутимо выпускающая струи дыма к терявшемуся в темноте потолку схрона.

Я снова вдохнула глубже дикую смесь местных ароматов и открыто улыбнулась от теплого чувства, разлившегося внутри. Кое-что никогда не меняется. Андре и Тархорд вместе уже совершенно невообразимое количество времени, уж точно больше, чем я живу, и каждый год, еще с тех пор, когда я приходила сюда с отцом, повторяется одно и то же. С самого первого раза Танхорд начал отпускать шуточки о цвете моих глаз и волос, и о том, как однажды я начну вертеть мужчинами как вздумается, и с тех пор не унимался. Годы спустя мой Джон поначалу жутко на это напрягался. А потом привык и только удовлетворенно посмеивался

и шептал, потираясь лицом о мой затылок, что чертов старик прав, вот только другим дано лишь смотреть на то, чем всегда суждено владеть ему одному. Только его «всегда» оказалось таким недолгим... От этой мысли уже какое-то время не начинали слезиться глаза, и не перехватывало в груди как от удара по ребрам наотмашь. Острая, как жесточайший ожог, боль, не дававшая раньше дышать, стала ноющей, непроходящей тоской, что только долгими зимними ночами становилась слишком свирепой, чтобы ее можно было вытерпеть без сдавленного воя.

– Элли, Саймон со своей юной супругницей тоже здесь, – тихо предупредил меня Танхорд, разжимая свои объятия, и я поморщилась, невольно тут же заметавшись взглядом по присутствующим.

Саймон, брат моего Джона, нашелся в противоположном от меня конце первого зала схрона и, естественно, заметил меня раньше, чем я его. Как минимум, на полголовы возвышающийся над остальными, светловолосый, широкоплечий, с обманчиво открытым взглядом больших голубых глаз. Такой до пронзающей навывлет острой муки похожий на моего Джона и настолько бесконечно другой. Моя постыдная ошибка, слабость, которой поддалась, не зная, как выплыть из бесконечно длящейся боли утраты, и что теперь аукается при любой возможности.

– Ничего, переживу, – пробормотала я, отворачиваясь от мужчины, что откровенно похотливо улыбнулся мне че-

рез всю толпу, совершенно не смущенный присутствием заметно беременной жены рядом.

Впрочем, я уже давно усвоила, что Саймону совершенно чужды смущение, неловкость, как и большинство принципов общепринятой морали. Абсолютное бесстыдство и бесконечный эгоизм – вот основа его природы. Во всем. Этим он тоже тогда показался мне похожим на Джона, притянув меня из-за того, что никак не могла отпустить любимого. У моего супруга не было никаких границ там, где дело касалось нашего удовольствия. Кроме одной. Моего нежелания или дискомфорта. Но он никогда не был лживой, манипулирующей и эгоистичной тварью, самоутверждающейся за чужой счет, в отличие от Саймона.

– Если что – только позови, малышка Элли, – многозначительно поднял густые седые брови старик и, отвернувшись, гаркнул: – Юмсэ, ленивая ты задница! Ну-ка живо помоги нашей Элли дотащить товар и занять место для прилавка!

Юмсэ, здоровенный детина с интеллектом пятилетнего ребенка, тут же появился из темного угла и выхватил у меня лямки санок. Радостно скалясь мне, он отволол мой товар к обычному месту. Я отыскала в сумке один из леденцов из сока дерева фотир, которые готовила специально для него, и парень, просияв и полопотав что-то на одном ему понятном языке, вернулся на место. Ну что же, прекрасно, я прибыла. Остается надеяться, что в этот раз торговля пойдет успешно, и я куплю достаточно крупы, специй и соли

для того, чтобы не экономить до следующей Весенней Ярмарки.

Я аккуратно извлекала, разворачивала и раскладывала на низком прилавке ножи, скребки для шкур, наконечники для стрел и гарпунов, топорики, и гладкий обсидиан хищно ловил отблески освещавшего все тут пламени своими острейшими гранями.

– Ты бы могла попросить меня помочь, сладкая Элли, а не прибегать к услугам этого ущербного ничтожества. – Я не вздрогнула, услышав голос Саймона над собой, так как точно знала, что он подойдет и попробует снова. – Зачем старик вообще держит это недоразумение здесь? Следовало бы давно вышвырнуть тупую скотину вон и использовать как приманку для хищников. Вот это и правда была бы польза.

Выпрямившись, я молча посмотрела в такое красивое лицо, каждый раз обжигающее душу ненужными воспоминаниями о собственной глупости и заблуждении. И тоской по утраченной любви.

– Саймон, милый, ты, как всегда, прав! – раздалось неприятное ехидное хихиканье, и я перевела взгляд на Илено, его юную жену. Она продемонстрировала мне большую щербину между передними зубами, изображая неискреннюю радость. – Привет, Элли! Как поживаешь?

Распахнув полы кофты крупной замысловатой вязки, она нарочито выпятила в мою сторону свой округливший-

ся живот, гордо его поглаживая. Внизу моего собственного при виде этого зрелища мерзко потянуло, отдаваясь в поясницу. Отказавшись поддаваться на очевидную попытку причинить мне боль, я кивнула Илено.

– Прекрасно поживаю! – равнодушно ответила я и перевела глаза снова на Саймона. – Тебе что-то нужно или пришел просто поздороваться?

Ему всегда было нужно что-то. А точнее – все.

– Я решил, не мешкая, спросить тебя, обдумала ли ты мое предложение, Элли. – Господи, как у кого-то настолько гадкого может быть такая знакомая и великолепная улыбка? Саймон не имел на нее права, она всегда должна была остаться в моей памяти принадлежащей только моему Джону!

– Я обдумала и дала тебе ответ уже очень давно, Саймон. Насколько мне помнится, было это два с половиной года назад. – Всегда старалась вкладывать в свой голос максимум уверенности, посылая Саймону сигналы о том, что мое решение было и останется неизменным. Вот только это с ним, похоже, не работало. – С тех пор не случилось ничего, что изменило бы его.

– Илено, пойди посиди у очага и позаботься о горячем питье для меня! – обаятельная улыбка мужчины стала хищной усмешкой, а беременная прищурилась откровенно враждебно, но послушно пошла к большому очагу в центре этого зала. – Пора бы тебе одуматься, Элли. Ты не молодеешь. Жизнь проходит. Стоит ли и дальше проводить ночи в пустой хо-

лодной постели, когда есть тот, кто хочет ее согреть, а главное – знает, как снова сделать тебя счастливой. Прими меня, Элли, и позволь снять с твоих хрупких красивых еще пока плеч тяжкий груз забот!

Ты никогда не делал меня счастливой. Никогда.

– А заодно и вручить в твои алчные руки то, что было построено моим родителями и твоим братом? – усмехнулась я.

– Ну, должен же я получить какую-то компенсацию за то, что взвалю на себя обязанность заботиться о стареющей жене покойного брата, да еще и ублажать ее в постели! – Саймон глянул на Фрадиса-скорняка, моего частого соседа по ярмаркам, в поисках одобрения, но бородатый пожилой мужчина лишь осуждающе покачал головой и, отвернувшись, сердито сплюнул на пол. Он был из поколения, что еще помнило мир до прилета Карателей, и отрицательно относился к распространяющейся практике, когда сильные мужчины позволяли себе все чаще брать больше одной жены. Добровольно. Пока еще.

– Сладкая Элли, имущество должно оставаться в семье, – проигнорировав его реакцию, продолжил Саймон.

– Верно говоришь, – начала злиться я. – Вот только ты мне не семья!

– Странно, а вот когда ты спала со мной после смерти Джона, ты так не считала! – наклонившись к моему лицу, сказал Саймон, сверля меня глазами. – Подумай хорошенько, Элли. Я ведь могу быть настолько щедрым, что разрешу

тебе, как и тогда, выкрикивать его имя, кончая подо мной! С закрытыми глазами и в темноте ты и разницы не почувствуешь и можешь притворяться, что ты по-прежнему с ним.

Мне так захотелось полоснуть одним из моих ножей по его красивому лицу. Едва выносимо. И еще раз. И еще! Оставить на нем отметины, чтобы оно больше никогда не напоминало мне любимые черты. Но вместо этого я холодно улыбнулась и вернулась к раскладыванию товара.

– Тебе никогда не будет принадлежать ничего из того, чем владел твой брат, – больше не глядя на собеседника, сказала я.

– Не огорчай так своего единственного родственника, дорогая! – прижал огромную ладонь к груди Саймон. – Живешь одна, и о тебе совсем-совсем некому позаботиться! Вдруг заболеешь или обидит плохой прохожий! Или все же те слухи, что ты привечаешь в бывшей супружеской спальне всех забредающих на огонек охотников и путников и не только по одному за раз, правда? Они тебя и оберегают, и дичью свежей снабжают ради того, чтобы была бодра и ласкова по ночам?

– Уходи, Саймон. – Как ни странно, игнорировать его гадости с каждым разом становилось все легче. Первый раз позорно сбежала и прорыдала в кладовке Андре несколько часов.

– Ну, до следующего раза, милая. Подумай еще немного, но только хорошенько! – удивительно легко Саймон на этот

раз сдался.

Отойдя на пару шагов, он развернулся.

– Ах, да, я же забыл отдать тебе подарок, который давно припас для тебя, моя сладкая-сладкая Элли! – мужчина выдернул из кармана бусы из насыщенно-зеленого камня и покачал их на указательном пальце. – Взгляни, они точно под цвет твоих необыкновенных глаз!

Я прикусила изнутри до крови щеку, силясь не выдать себя резким вздохом. Сволочь, опять он смог до меня добратся! Эти простенькие бусы были точной копией тех, что принес мне раненый Джон из своей последней вылазки. Их я положила в его могилу, потому что сил не было смотреть на эти проклятушие гладкие камушки, которые были в его крови.

– Правда красиво, Элли? – коварно ухмыльнувшись, Саймон швырнул бусы на мой товар. – Мне кажется, я когда-то видел у тебя подобные, и подумал, будешь рада. Но, к сожалению, видно, не угадал с подарком. Эх, женщины и их капризы!

Саймон ушел, откровенно довольный своей выходкой, а я стояла и пялилась на проклятые камни на нитке как на ядовитую змею, пока сосед не окликнул меня, приводя в чувство.

Глава 2

– Элли! – подергал оцепеневшую меня за рукав Фрадис. – Приди в себя, деточка! Мне сказать тебе кой-что надь!

Я зажмурила глаза, беря под контроль свои эмоции, и, с усилием растянув губы в подобии улыбки, повернулась к нему.

– Что, Фрадис?

– Ты это... хоть знаешь, что по той весне этот брал уже себе вторую жену? – старик дернул головой, указывая на спину неспешно удалявшегося Саймона.

– Нет, не знаю. – Даже если это и так, то мне глубоко плевать, что нашлась такая дура.

– Брал, Элли, брал! – продолжил старик, не обращая внимания на мои последние слова. – Убогую Гедоль из скита по соседству с моим. Отец души не чаял в девушке, даром что одна нога короче другой. Давал за ней щедрое приданое, в пять раз больше чем за своих здоровых дочерей. Он же ее от своей первой жены, покойницы, прижил, по которой, сказывали, горевал безмерно, – покачал лохматой головой скорняк. – Так вот: свадьбу ей справили богатую, поверх обещанного, растрогавшись, родитель еще много какого добра отвалил молодым. Пива набравшись, плакал на радостях, мол, дочку хорошо пристроил, за мужика справного да сильного, даром что сама калека. Да вот до следующей весны она-

то и не дожила, Элли! Померла якобы в тяжких родах. Здоровьем, мол, оказалась совсем слаба. Вот только никто беременной-то Гедоль и не видел. – Последнее он произнес, сильно понизив голос.

– Фрадис, я не собираюсь соглашаться ни на чьи предложения, – прямо посмотрела я на возрастного мужчину, и именно он неожиданно смутился и замялся.

– Элли, я все понимаю, жить одной и тащить на себе весь скит – совсем не сахар, и женщине оно не под силу... – опустил он взгляд на свои идеальной выделки шкуры, – но не выбирай кого попало, даже если сильно уж будет трудно. Неспроста Саймон взял Илено первой женой. Не слыхала, что о ее родном ските молва дурная идет? Мол, отравители они. Вот только доказательств нет. И обставляют они все вечно по-умному, так что и жаловаться некому.

– Я не выжила из ума от одиночества! – натянуто улыбнулась я мужчине. – Честно! Если уж когда-то ты прослышишь, что Саймон заполучил скит Уир, то смело говори всем и каждому, что я мертва или случилось подобное против моей воли.

Вскоре народ, желающий купить-продать-поменять, заполнил первый зал торгового схрана до отказа, и нам стало не до разговоров. Результаты моего многодневного труда в отцовской тайной мастерской очень бойко расходились, обращаясь увесистыми мешочками крупы, соли, сушеных овощей, пряных трав и вязанками вяленой рыбы, которой

в таком количестве не сыскать в наших краях. На совершенно особом счету расположился мешок яблок, не от горько-кислой дички, а от чудом уцелевших деревьев, дающих плоды размером больше моего кулака. Потрясающе! Весной обязательно потрачу часть своего товара на саженцы именно таких яблонь и груш. Осталось лишь только отвоевать у леса место для них так, чтобы не навлечь на себя гнев Карателей. Возможно, стоило бы у моих сегодняшних покупателей спросить, как им это удастся, но схрон Танхорда не то место, где позволялись наводящие навязчивые вопросы.

Мне очень хотелось убраться отсюда еще до ночи, но не вышло. Отказавшись от отдельной кельи, где уединение за тонкой грязной занавеской было лишь иллюзией, я расположилась прямо поверх всех своих выменянных ценностей и попыталась задремать, глядя сквозь ресницы на пылающий очаг в центре зала. Те, кому не спалось, или просто желающие самостоятельно поесть и попить горячего, то и дело мелькали там причудливыми тенями, еще быстрее убаюкивая меня. Но как бы хорошо ни было под походным меховым одеялом, мой мочевой пузырь исправно поднял меня посреди ночи.

– Я начеку, Элли, – подал голос Франдис, едва я только открыла рот, чтобы попросить присмотреть за моим скарбом.

– Спасибо, – с улыбкой пробормотала я и, натянув мягкие сапожки, именно его производства, побежала к ближайшему отхожему месту.

В отличии от первого зала с очагом, тут было жутко холодно, да и запах не мотивировал к медлительности, и вскоре я выскочила обратно, торопливо заправляясь прямо на ходу. И тут же врезалась лицом в широкую мужскую грудь. Мгновенно узнав запах, шарахнулась в сторону, потеряв равновесие, счесала ладонь об острые края кирпичей дверного проема и рванула в сторону первого зала. Но Саймон ловко сцапал меня за волосы и, больно дернув назад, развернул лицом к стене. Навалившись всем телом, вжал в шершавую сырую неоштукатуренную кладку, выдавливая из моих легких весь воздух. Я стала выкручиваться из-под напавшего, одновременно стараясь пнуть по голениям, но силы были слишком уж неравны. Саймон натянул мои волосы, запрокидывая голову до хруста шейных позвонков, и надавил бедрами, впечатывая нижнюю часть моего тела в твердую поверхность, давая четкое понятие о своих намерениях и полной готовности их осуществить.

– Отпусти! – Крик хоть и вышел негромким из-за прерывистого дыхания, но в пустом тоннеле был слышен более чем отчетливо. – Сволочь, только посмей – и я тебя сама Карателям сдам!

– Да неужели, Элли? – нисколько не испугавшись, Саймон протолкнул руку в мои штаны, которые я не успела нормально завязать. Широкий серебряный браслет на его запястье ободрал кожу моего живота, когда мужчина нагло, по-хозяйски накрыл мое естество и сжал.

– Думаешь, им есть дело до такого? А может, это я тебя им сдам, если ты не станешь моей послушной сладкой девочкой снова? – издевательски сказал он прямо мне в ухо и больно прикусил кожу за ним, одновременно находя пальцами чувствительную точку внизу.

Я снова задергалась, отчаянно поднимаясь на цыпочки, чтобы хоть как-то ускользнуть от этого омерзительного подобия ласки, трясаясь и задыхаясь от унижения и бессилия. Саймон же истолковал мое сопротивление как нужную ему реакцию моего тела и усилил нажим.

– Вот так, Элли, – прошептал он, похотливо притираясь к моим ягодицам и рвано дыша в шею. – Я же помню, какой отзывчивой ты можешь быть, какой горячей. Знаю, как завести тебя и заставить мощно кончить. Так зачем же ты сопротивляешься мне? Прими меня в качестве мужа и будешь иметь все это, когда захочешь.

– Помогите! – закричала я, выворачивая голову в сторону общего зала, и увидела стоящую на фоне прохода фигуру с отчетливо выпирающим животом. – Илено! Пожалуйста!

Но вместо того, чтобы вмешаться, Илено просто повернулась к нам спиной, наблюдая за людьми в первом зале. Чертова сучка стояла на страже, пока ее муж собирался изнасиловать меня, наверняка намереваясь так сломить. И они верно все рассчитали. В такой час мало кто вставал, а из этого коридора вечно доносились странные звуки из-за гуляющих сквозняков, да и, как поговаривали, жутких существ,

что обитали на нижних уровнях местных катакомб и давали о себе знать через вентиляцию. Поэтому вероятность того, что мне кто-то поможет, очень мала. И понимание этого неожиданно высушило мои слезы, помогло вернуть абсолютную ясность сознания. Помочь мне придется себе самой. Как, впрочем, я и делала последние два с лишним года.

– Думаешь, если трахнешь меня, это как-то разубедит меня в том, что ты мерзавец и ни черта не нужен мне в качестве мужа со своей брюхатой сукой в придачу? – презрительно спросила, нашаривая верхнюю пуговицу на вороте замшевой туники.

Выравнивая дыхание, скользнула рукой за пазуху, нащупывая плетеный кожаный шнур на шее, тогда как Саймон уже принялся сталкивать мои штаны вниз одной рукой. Не тратя время и силу на сопротивление, потянула шнурок и вытащила наружу крошечные ножны из тисненной кожи с обсидиановым кинжалом, размером не больше мизинца, но таким же безжалостно острым, как и его большие собратья. Этот для меня сделал папа, еще когда была ребенком, и я носила его, сколько себя помню, воспринимая как украшение или талисман. Хотя сейчас, наверное, это, скорее, оберег, который, надеюсь, выручит меня.

– Конечно, поможет, Элли! Я тебя сейчас так поймею, что ты стоять завтра не сможешь и только и думать будешь, как приползти ко мне и еще попросить! – самодовольно за-

ворчал Саймон и, поняв, что я не сражаюсь с ним больше, стал по-настоящему ласкать меня.

Делать он это, надо сказать, всегда умел. Широкие ладони гладили и прижимались с идеальным давлением, ловкие опытные пальцы легко находили нужные чувствительные точки, губы и язык мягко терзали шею, скулу, уговаривая даже, а не заставляя повернуть лицо для поцелуя. Возможно, на кого-то неопытного, смущенного и подверженно-го его обаянию и красоте, это и оказало бы мощное воздействие, убеждая уступить. Но мое тело больше не реагировало на Саймона. Не в сексуальном плане уж точно. Он – насильник, а не просто нахальный соблазнитель, потерявший голову от страсти. И хочет он не только и не столько мое тело, сколько все, что я имею, включая и тайны, и наследие моего отца. Так что, пошел он!

Выудив кинжал из ножен, я захватила удобно крошечную рукоятку и, сжав зубы от отвращения, потерлась уже обнаженной задницей о стояк Саймона, отчего мужчина тут же застонал и стал нетерпеливо дергать собственные штаны.

– Вот так, сладкая Элли! – отрывисто захрипел он. – Я же знал, что ты меня хочешь, просто ломаешься. Сейчас будет хорошо, Элли. Сколько у тебя никого не было, а? Тугая будешь, небось, не протолкнуться. Всегда была тугая, а сейчас...

– Лицом к лицу! – собрав все самообладание, приказала я, обрывая отвратительный словесный поток. – Хочу видеть,

кто меня трахает, Саймон.

– А ты властная похотливая сучка, Элли, и точно знаешь, чего хочешь, когда тебя разогреешь, – цинично хохотнул мужчина и, перестав вжимать меня своей тушей в стену, развернул.

И я мгновенно прижала клинок в его толстой шее, прямо там, где быстро колошматил от похоти его пульс. Пока плашмя, только чуточку взрезав кожу, чтобы дать понять, что я не шучу.

– Если ты дернешься, даже слишком глубоко вздохнешь, то убьешь сам себя, – прошипела я. – Истечешь кровью.

Обсидиановые грани остроты невероятно, они наносят раны одним легким касанием, боль от которых настигает тебя лишь спустя несколько секунд. Ты уже видишь кровь, но осознаешь, что случилось, только позже.

– Убьешь меня, Элли, и сама сдохнешь. – Саймон замер, злобно уставившись на меня, боясь теперь и вздохнуть поглубже. – Каратели убийств не спускают, и им плевать на мотивы.

На самом деле я не знаю никого конкретного, кого бы наказали Черные за это. Но считать так было принято. А вот что ходу мне на Ярмарки больше не будет – факт. Но это сейчас не имеет значения.

– Даже если и так, тебе-то уже будет все равно, Саймон, – вложив в свой голос всю доступную мне сейчас беспечность и решимость загнанной в угол, чуть дернула рукой, не рая

сильнее, только обещая.

– Ты чокнутая сука! – процедил гаденыш сквозь зубы, скривившись.

– Еще какая! А теперь слушай и запоминай! Твоей женой, неважно, какой по счету, я не буду. НИКОГДА. Сколько бы ты меня по углам ни зажимал, как бы ни расстарался, трахая. Встану, подотрусь, максимум за то, что неплохо обслужил, поблагодарю, но на этом все! Забудь про меня, мой скит, все чем владею. Это – мое и твоим никогда не будет.

– Это ведь можно и проверить! – попытался он оскалиться на меня угрожающе, но не впечатлил. – Что, если Каратели узнают о мастерской твоего папаши? А она ведь есть, я точно знаю, хоть и не нашел вход, пока ты дрыхла посте того, как я тебя хорошенько объезжал по ночам. И я знаю, знаю точно, что и отец раньше, и теперь ты делаешь эти свои обсидиановые штучки совсем не разрешенным способом!

– Сообщи! Вот только тогда и сама мастерская, и скит мигом горсткой пепла обернутся. И ты все равно останешься ни с чем!

Саймон с минуту злобно сопел, сверля меня в полутьме убийственным взглядом.

– Убери свое оружие. Давай разойдемся. – Дважды меня просить не надо было, и я тут же скользнула по стене из-под него, продолжая держать кинжал в вытянутой руке, а второй неловко возвращая на место одежду.

– Разойдемся, Элли, – повторил Саймон, отступая подальше. – Пока.

– Насовсем! – поправила я его и, отойдя на несколько шагов, сунула кинжал в карман и затянула шнурок на штанах так, что едва вздохнуть могла.

– Я от своего не отступаю, – огрызнулся Саймон, прижав пальцы к порезу на шее.

– А у меня ничего твоего и нет! – в тон ему ответила я и стала обходить его боком, почти прижимаясь к противоположной стене, так чтобы не выпускать из виду. – И никогда не будет!

– Бесплодная никчемная Элли! – выплюнул Саймон мне вслед, стремясь как всегда врезать в самое уязвимое. – Ты ведь только и пригодна что для удовольствия в постели и ценна знаниями своего отца! Даже Джон устал от твоей бесполезности под конец, знаешь ли. Устал и нашел себе нормальную бабу. У него ведь сын растет в ските Ладун. Уже четвертый год пошел.

Мне не было больно. Боль от подобного приходит лишь с осознанием, как от пореза беспощадно острым лезвием обсиана по голым нервам. А мне сейчас было не до подобных ощущений.

– Врешь ты все, Саймон! – Я ускорила движение и уже ясно могла различить искаженное злобной гримасой лицо Илено.

– Если так, то зачем же Джон так часто ходил на восток

последние месяцы, а, Элли? – безжалостно рассмеялся мужчина мне вдогонку. – С тобой он не видел будущего и остался просто ради удобства и по привычке! Остался бы он жив, и через годик-другой привел вторую жену с ребенком в ваш скит.

Я развернулась и понеслась вперед, бесцеремонно отпихнув со своего пути Илено. Примчавшись на место, свернулась клубком, накрываясь с головой меховым одеялом. Я не буду думать! Не буду! Это ложь! Джон бы не стал... он бы не предал... он мне не лгал бы... Но... ведь правда в том, что в последние год-полтора перед смертью он действительно зачастил на восток. И именно из похода туда он приполз к нашему порогу весь истерзанный, истекающий кровью в последний раз.

Глава 3

О сне речи больше не шло, я просто лежала, свернувшись калачиком вокруг своей извечной боли, умоляя ее уняться, и держала глаза крепко закрытыми, запрещая думать о гадких словах Саймона снова и снова. Запрещая себе вспоминать детали, мельчайшие изменения в поведении, отношении Джона в последние месяцы нашей жизни. Запрещая находить себе все больше подтверждений, что сказанное его проклятым братом – правда. Но на самом деле уже знала, что будет. Я сама пойду на восток и найду тот самый скит Ладун. Весной или даже раньше. Найду и узнаю правду, или просто не смогу жить дальше. Хотя, и как жить, если окажется, что Саймон не солгал, я тоже не представляла. Стоило только допустить самый отблеск мысли, что Джон мог изменять мне, обманывать, причем не раз, не два, а на постоянной основе... что он, по сути, имел вторую семью и ребенка там... Моя боль из беспрестанно нудящей пустоты внутри обращалась топящим в себе пламенем. Я никогда почему-то не ревновала своего мужчину при жизни. Мне это и в голову не приходило. От него всегда на меня изливалось столько теплоты, страсти, чуткого внимания к любой мелочи, что и зародиться подобному было не из чего. А если это все было не только моим? Не только мне доставалось такое? И по уму бы не сверлить себе душу такими мыслями.

Джон умер. Что было даже, то закончилось. Но, к сожалению, я-то до сих пор жила мыслями о нем. Я его оставила в своей жизни, не отпустила.

Юмсэ только протопал в один из боковых коридоров, отходящих от первого зала за дровами, подчиняясь приказу Андре, что собиралась заняться приготовлением завтрака для гостей Ярмарки, а я принялась укладывать свое добро в дорогу.

Потянуло дымом, закашляли, заворочались вокруг торговцы, пробуждаясь, а я уже впряглась в лямки и потянула заметно потяжелевшие сани к выходу из зала.

– Элли, ты чего это в такую рань! – удивилась Андре. – Там же едва светать начало и морозец еще давит.

– Это даже и лучше. Хоть кусок дороги до Цаева поворота проскочим удачно. А то потеплеет – народ повалит, и разમેсят все, – натянув на лицо улыбку, ответила я. – Увидимся весной, Андре!

– Да куда ж ты, даже не перехватив ничего? Танхорд, проснись, лежебока чертов! Элли уходит ни свет ни заря!

– Не нужно... – начала я, но скрипучий голос оборвал мою попытку.

– Да не сплю я давно! Ты же так грохочешь да костями скрипишь, старая, что и глухой спать не смог бы. – Старик, побряхтывая и прихрамывая, вышел из-за шкуры-занавеса и направился ко мне. – Элли, ну-к постой! Провожу тебя чуток, дочка.

– Поестъ бы ей. . . – начала его женщина, но он отмахнулся, строго нахмурившись.

– Лучше пусть идет. Юмсэ! Давай подмогни нам!

– Танхорд, да не нужно меня провожать! – принялась я его уговаривать, но хозяин Ярмарки взял меня под локоток и повел к выходу, оставив сани тащить помощнику.

– Обидел? – тихо спросил он, только мы вышли из-под сводов хоть как-то, но прогретого, зала в холодный проход наружу, и я поежилась, хапнув морозного воздуха. – Видел я вчера, что Саймон за тобой ходил. И что эта змея конопатая его – тоже. Но вроде вернулась ты сразу цела-невредима. Так успел обидеть-то?

– Я ему этого не позволила. И не позволю. – Эх, быть бы еще самой в этом уверенной.

– Дрянъ он человек, знаю я, дочка, и будь только моя воля – гнал бы отсюда и не пушал бы больше. Да только же он не сам за себя.

– Я знаю, – кивнула, глядя в сторону.

Скит Намар, откуда и Саймон, и Джон мой был, – один из самых больших, богатых и влиятельных в округе, я другого такого не знаю. Полных сто взрослых, разрешенных Карателями, дети, подростки, да плюс еще вокруг небольшие скиты раскиданы, что на самом деле все их родня. Там много сильных молодых мужчин, охотников и добытчиков, разведчиков, которые ходят дальше других и находят иногда что-то весьма ценное и редкое. Из Намара традиционно приво-

зят на Ярмарку очень много разнообразного товара на мену, так что гнать кого-то из их скита совсем не в интересах дела для Танхорда. Не говоря уже о том, что ссориться с ними просто опасно. Открытая агрессия, конечно, жестко осуждается и наказуема Карателями, но они должны еще об этом узнать, а всегда есть способы совершить что-то по-тихому. К тому же, если даже Каратели и узнают потом, когда бедолагу найдут со сломанной шеей, и уничтожат виновного, то пострадавшему-то жизнь вернуть не в их силах.

– Элли, задержись вы там – я бы пришел, – продолжил старик. – Под моей крышей никто тебе ничего не сделает, так и знай!

Почти сделали, но то, что в итоге он вмешался бы, душу согрело.

– Я знаю, Танхорд, – кивнула я снова, накидывая капюшон.

– А что раньше решила домой идти – это ты молодец, Элли, – одобрил он, доводя меня до выхода, и, прищурившись, посмотрел в серое небо с тонкой полоской розового на востоке. Еще только обещание восхода. – От греха подальше. А то мало ли. Гнаться точно не станет, а вот раньше выйти и подстеречь... сама, в общем, понимаешь.

– Понимаю, – кивнула я снова и обняла его на прощание. – До весны, Танхорд!

– Ага. Авось и повезет свидеться, красавица Элли, но чудится мне, вряд ли, – ухмыльнулся старик в свои пропахшие

курительными травами усы.

– Не выдумывай, ты вон какой крепкий! – хлопнула я его по плечу.

– Был крепкий, девочка, а стал древний. Но и не в том дело. Чует моя старая задница, происходит что-то вокруг. Ну или вот-вот начнет происходить. И, как по мне, хорошего ждать не стоит. За Андре мою переживаю я, Элли. Мне б знать, что с ней все ладно будет, и не страшно тогда ничего.

– Ты о чем? – насторожилась я.

– Ни о чем конкретном, Элли. То там пошепчут, то тут слово обронят. В Намаре вон моду взяли не по одной бабе за себя брать. Осмелели, вверх недобро поглядывать стали. Болтают, на запад сильно далеко они ходить стали, в городище старое, куда запрещено. Но точного ничего. А попусту болтать не стану. Но ты это... может, и присмотришь кого себе, и правда, девочка? Надежного кого, чтобы прикрыть и защитить было кому. Саймон... он наглый, но не смелый, дочка. Стой ты за спиной у мужика хорошего – он бы и не дернулся больше. Так, языком бы молол, да кто бы его слушал.

– Да я и сама...

– Ну да, сама. Год сама, два сама, сколько же можно? Бабе, оно самой быть природой не положено, неправильно ей самой все тянуть. Тем более, что тебе же только поманить мужика какого надо – и твой он.

– Не преувеличивай, Танхорн! – выдавила я горьковатый

на вкус смешок.

– И не думал. В тебе стать да порода, их издаля видать, да ничем не спрячешь. Ты ведь просто смотреть по сторонам даже не пробуешь. А ты рискни да глянь! Послушай старого.

– Гляну, – согласилась, чтобы больше не продолжать спор и времени не тратить, и звонко свистнула, призывая собак.

Прислушавшись, свистнула еще, тревожась за своих мохнатых друзей, и с облегчением уловила отзвук ответного лая вдали. Под сопение Танхорда отыскала в кармашке торбы сверток с оставшимися леденцами и вручила их Юмсэ. Он просиял лицом, но почему-то взял из пяти только два, а остальные завернул и протянул обратно, что-то залопотав на своем.

– Самой скоро надо... – только и разобрала я, да и то неточно.

– Нет же, это все тебе, Юмсэ! – возразила я. – Тебе их варила.

Но парень не взял сверток и, поулыбавшись, сунул конфету за щеку и утопал.

– Странно.

– Чего странного? – и не подумал удивиться хозяин Ярмарки. – Юмсэ, он хоть и дурачок, но кой-чо получше нас, шибко умных, ведает. Таким, как он, другая сторона мира открыта, Элли. И если он говорит, что тебе и самой оно пригодится, то так оно и есть.

Естественно, первыми из лесу вылетели Аэль и Рох,

резвые подростки, способные развивать бешеную скорость. Визжа и подлаивая от радости, они закрутились волчками вокруг нас со стариком, лупя себя хвостами по бокам, не в силах успокоиться. И только появление их строгого родителя Воли, сначала прирыкнувшего на мельтешащую молодежь, а потом со всем достоинством вожака плюхнувшего пушистый зад на снег, уняло заполошенных. Гилли, как и положено даме из прочитанных мною старых книг, появилась последней, заставив всех себя ждать. Вжавшись лобастой башкой в мои колени, она дала себя потрепать по ушам и с готовностью заняла свое место рядом с супругом.

Танхорд внимательно наблюдал за тем, как я надеваю шлейки и пристегиваю собак к постромкам саней, и таки заметил то, что я старалась не светить лишний раз.

– Элли! – покачал он головой без осуждения, но озабоченно, глядя, как прячу под кожаной накладкой шлейки один из металлических пристяжных зацепов, которые мой отец звал карабинами. – Ой, и рискуешь ты, девочка.

– Никто же не видит, – отмахнулась я беспечно. Да, сталь. Да, запрещено. Ну, удобно же так, и не оружие.

Попробуйте эти кожаные ремни на упряжи развязать-распутать, особенно на морозе задубевшие. Живого места на пальцах не будет, а черта с два развяжешь. А в дороге чего только ни приключается. Иногда мгновенно отстегнуть собак просто жизненно необходимо. Как же бесят некоторые запреты этих Карателей! Да, я уже родилась, когда они давно

действовали, и вся моя сознательная жизнь прошла при них, но, однако, при этом же и все это время существовала и главная тайна моей семьи. А с ней и знание, что не такие уж и всевидящие и всезнающие эти пришельцы, и при желании от них можно скрывать необходимое. Главное, не наглотать и не выставляться напоказ, не привлекать их внимания, провоцируя тем самым присмотреться повнимательнее.

Старый Танхорд еще качал головой и бурчал в усы, а я натянула варежку, махнула ему рукой, встала на запятки санок и резко свистнула, веля собакам стартовать. Они сорвались с места так, что зубы у меня даже лязгнули. Еще бы, почти сутки отдыха, наверняка удачная охота, да еще и дорога домой. Ребятки часа четыре будут бежать резво даже с дополнительным грузом в виде меня. Потом подустанут, конечно, я сойду, и мы замедлимся. При всем желании я не могу бежать так же быстро, как эти четвероногие торопыги. Так что, дома будем в лучшем случае завтра к обеду. И это если метель не застанет, и наша скорость еще не снизится.

Много времени, но я козам хорошо сена задала и бадью большую воды натаскала, а птице – корма вволю, так что беды не будет, дождутся. Я, прищурившись, посмотрела в небо, прикидывая, что за погода предвидится, и вздрогнула, заметив слишком знакомый и совсем не радующий силуэт на фоне светло-серых облаков. Каратель на своей чертовой платформе. Черный сгусток опасности среди бескрайнего воздушного простора. От греха подальше я сразу опустила

лицо, уставившись на спины бегущих как ни в чем не бывало собак. Говорят смотреть пристально на Карателя – накликать себе неприятности. Как минимум, привлечь его внимание. Если пялишься, то либо тебе есть, что ему сказать, либо ты, наоборот, очень уж не хочешь с ним пересекаться. Мой вариант второй, пусть летит себе, куда там летел. Само собой, Каратели были осведомлены о существовании таких человеческих сборищ, как Ярмарки. И Танхорд говорил, что пару раз они являлись к нему. Точнее, в одиночку черный приходил, один и тот же в обоих случаях или нет – неизвестно. Правда, прилетал не в самый разгар торговли и не в главный наплыв народу, но все равно людей в каждый его визит всяко больше сотни бывало. Нарушение запрета, как ни крути. Но истукан в непроницаемо зеркальном шлеме походил просто среди шарахающихся от него людей, посмотрел и, не сказав ни слова и не ответив ни на один вопрос Танхорда, убрался восвояси. Чего приходил – никто так и не понял. И это был самый близкий контакт с черным, что реально случился у знакомого мне человека, чьим словам я склонна верить. Все остальное, что слышала – лишь сто раз пересказанное в стиле «мне кто-то сказал, что ему рассказали те, кто своими ушами слышал, как некто говорил» или же истории из давно минувших лет, живых свидетелей которым уже практически не осталось.

Между облаками проглянуло солнышко, тут же награждая снег вокруг дороги искристым сверканием, и собаки от этого

как будто еще больше приободрились и поднажали, да так, что мне пришлось прищуриться до щелок, защищая глаза от летящих из-под собачьих лап колючих снежинок. Просчитав про себя до ста, глянула коротко туда, где видела платформу с Карателем, и, не обнаружив ее, вздохнула с облегчением. Небось, он опять на Ярмарку подался или в окрестностях ее кого-то выслеживает. Или еще черт знает чем занимается, кто их разберет.

– Ох, черт! – вскрикнула от неожиданности, когда черное пятно возникло прямо перед нами, буквально метрах в десяти впереди и в трех над землей.

Перепугавшись, я разжала руку, которой держалась за деревянный обод спинки санок, и плюхнулась на спину в снег.

Глава 4

Собаки, не среагировав сразу на уменьшение веса груза, еще с полминуты неслись со всех ног вперед, оставляя меня один на один с медленно спускающимся на землю Карателем. Я же лежала, распластавшись на снегу и боясь и шевельнуться, хотя сердце мое, чуть не вылетевшее, проломив ребра при первом испуге, сейчас бахало все быстрее и быстрее. Ведь я с огромной скоростью проигрывала в голове все возможные причины появления Карателя. Саймон все же решил отомстить, уяснив, что ничего у него с домогательствами не выйдет, и заявил им об агрессии с моей стороны? Илено, однозначно, будет свидетельствовать в его пользу, да и порез от моего ножа-оберега есть, как ни крути, а у меня никого, кто подтвердил бы факт нападения Саймона. А что, удачное стечение обстоятельств для него может выйти на первый взгляд: меня Каратели казнят, потому как всем известно, что иных мер наказания у них сроду не было, а он мой скит захапает и рано или поздно вход в мастерскую разведает. Правда, быстро поймет, что просто попасть туда совсем не значит вдруг суметь обсидиановые орудия строгать бойко. Без моих знаний и семейных секретов ни с чем он останется в итоге, ну или годы уйдут научиться и разобраться.

Или... Что, если я допрыгалась и сами Каратели ка-

ким-то образом разнюхали уже о существовании подземной мастерской с запрещенными станками из так же запрещенной стали? Но как? Где я могла допустить ошибку? Ну не сквозь же земную твердь они видят? Да, отец рассказывал мне, что раньше, до Крушения и появления Карателей были такие машины, что могли и сквозь землю, и сквозь водную толщу видеть и определять даже – что там, как картинку рисовать. Но годы и годы прошли с тех времен, и Черные летали над моим скитом сотни раз, и ничего! С чего сейчас-то?

Я гулко сглотнула, подтягивая ноги, когда Каратель ступил на снег почти у самых моих ступней, и поразилась отстраненно его огромному росту, эффект от которого был усилен толстыми подошвами его ботинок и общим массивным сложением. Одновременно в памяти промелькнуло, что, кажется, в последнее время я засекала летящую черную платформу в окрестностях скита как-то особенно часто. Где-то с начала лета или даже конца весны, когда почти весь светлый день я трудилась на своей расчищенной делянке, сажая корнеплоды и те немногочисленные овощи, что успевали вызревать у нас. Следили, выходит? Но я никак себя выдать не могла! Вход в мастерскую из глубины дома, снаружи его никак не засечь.

Каратель нависал надо мной, как жуткая черная гора, и просто смотрел, чуть опустив голову в своем непроницаемом шлеме. И хоть я не могла видеть и намек на его черты или глаза, я ощущала этот взгляд совершенно отчетли-

во. Осязаемо, как совсем не осторожное изучающее касание, скользящее по мне с головы до ног. Настолько реальное ощущение, что мне почудилось – я знаю точно, к какой части моего тела приковано внимание Карателя. А потом он поднял руку и дотронулся справа у основания своего непрозрачного шлема, и его забрало вдруг истаяло, будто было тонким льдом под жарким лучом солнца. И я увидела лицо Карателя.

Обыкновенное, человеческое. То есть нет, таких, как он, мне встречать не приходилось, очень уж резкие черты, все как будто из прямых линий и острых граней, как если бы творец, создававший его, обладал бесконечно твердой и уверенной рукой и это же пожелал вложить в облик своего творения. Но никакой собачьей головы или чешуи с жутким оскалом, серой кожи, рогов или клыков и прочих чудовищных черт, о каких, случалось, болтали. Кожа темная, не просто загорелая, а именно глубоко смуглая, даже немного в красноту, что ли. А вот радужки глаз, на удивление, светлые, желтовато-рыжеватые, каким выходил хорошенько уваренный сок для леденцов.

– Роутэг.

Я, кажется, не сразу поняла, что он сказал, точнее уж, громынул что-то, сначала заметила движение его губ. Таких же резких в своих очертаниях, как и все остальное. И только с некоторым опозданием до меня дошло, что он обращается ко мне. Скорее всего, назвал свое имя. И протянул руку. А мне внезапно стало так страшно, вот прямо-таки настоя-

щая паника обуяла. Как если бы вот-вот должно произойти нечто такое... из чего потом не будет никакого выхода, спасения. И чисто инстинктивно я толкнулась пятками в землю, отъезжая от него совсем чуть, но это, похоже, все поменяло. Прямые черные брови сошлись, создавая такие же прямые две глубокие поперечные складки, а радужки стремительно стали темнеть, а вслед за этим, повинувшись новому касанию пальцев в черной перчатке к тому же месту на шлеме, забрало вернулось-выросло снова, скрывая от меня лицо Карателя. И руку он мне больше не протягивал. Развернулся и двинулся к моим наконец остановившимся собакам, умудрившимся завалить набок санки и теперь зашедшимся в лае, который я как будто и не слышала всего мгновение назад. Такое чувство, что меня морок какой накрыл, как только я увидела черного, опускающегося передо мной, и слетел он только что. Взвившись на ноги, я бросилась вперед, стремясь опередить Карателя и еще, может, успеть... Не успела. Он выставил перед собой руку с раскрытой ладонью, и мои мохнатки стали валиться в снег без единого звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.